

Ольга Епифанова

Красная Шапочка

Ремейк старой сказки

ЛитРес:

Сказка на новый лад

Ольга Леонидовна Епифанова
Красная Шапочка.
Ремейк старой сказки

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68667106

SelfPub; 2022

Аннотация

Это рассказ о непростой судьбе девушки дворянского происхождения в суровые годы установления советской власти

Содержание

Часть 1	4
Часть 2	6
Часть 3	8
Часть 4	10
Часть 5	12
Часть 6	13
Часть 7	16
Часть 8	18
Часть 9	20

Ольга Епифанова

Красная Шапочка.

Ремейк старой сказки

Часть 1

– Дедка, расскажи про старинку.

– Дык, нечего рассказывать, все уже рассказал.

– Ну вспомни, дедка, ну пожалуйста.

– Ну что с вами делать? Садитесь кружком, внучики, да послушайте сказочку Красная Шапочка, только вовсе и не сказочка это, а самая, что ни есть бль.

Ох, и давно же это было, я тогда ещё совсем пострелом был, бегал по слободке в штанах драных.

Только – только Гражданская отгремела, вроде мир, а все же беспокойно, голод ужасный, но в слободе, значит, нашей – то полегче жилось, работа была, завод сохранился, выпускал исправно продукцию, были у кого – то и огороды, кто – то ухитрялся скотинку держать, курей там ещё, этим и кормились, мужиков на заводе не шибко много работало, кто – в Гражданскую, а кто и в октябрьскую ещё загинул, некоторые спивались, в общем, всю тяжесть рабочую тянули на себе бабы, помогали им дочери, ну да и пацанва слободская,

постарше нас, конечно, парни молодые тоже были, но совсем немного, гражданская и их не пощадила, так, значит, и жили.

Молодежь ещё и гулять успевала, утром – на работу, по гудку, потом – учёба, потом – на огород с мамкой бежали, а после, уж, под гармошку пели, плясали кто как горазд.

Девки наши модничали, сшили себе косынки красного цвета, вроде цвета знамени пролетарского, а на самом деле – то, цвет красивый, яркий, всем девкам – к лицу на загляденье. Кто спереди завяжет узелок на косынке – прямо матрёшка, кто – сзади, модничали, значит.

Жила у нас в слободке одна девка, поговаривали тогда, что она благородных кровей вроде будет. Сторонился её сперва народ, а потом увидели какая она добрая да приветливая и стали захаживать к ней, да к себе приглашать. А уж, как она нас, малышей – то, значит, привечала, не передать. Всегда, или пряником угостит, или сказочку расскажет, а то и просто приласкает, а дети и рады были. Много ли мальцу – то надо? Любили мы её шибко.

Работала девушка на заводе, несмотря на то, что грамотная да образованная была, книжки толстые читала, на пианинах играла, по – французски говорила, ну, как мы с вами сейчас болтаем по – нашему, легко и свободно, так вот, несмотря на всю её грамотность, работала она уборщицей, кто ж буржуйку, хоть и бывшую, в должность возьмёт – то? Но она ничего не роптала, довольствовалась малым, жила скромно.

Часть 2

Вот видит девушка, что ровесницы её в красные косыночки обрядились, ходят, красуются, шибко и ей захотелось такую же, но не было у бедолаги денег купить кумача и косынку себе сварганить, поглядывала на ярких девчат наших да вздыхала с грустью.

Заглянула к ней как – то соседка – баба Маша – тёзка самой – то девушки, молочка ей принесла, вить коровку держала, вот, порой, и баловала сиротку, жалела её очень, ну вот пришла к ней и видит, что взгрустнулось голубке нашей, говорит, что вспомнила Отца, который на Гражданской сгинул, да маменьку, бывшую, не много – не мало, а фрейлину, самой императрицы Александры Фёдоровны.

Колечко бабе Маше показала – памятку мамину, а колечко – то красоты неписаной, само золотое, а камешки на нем так огнём и горят, чистые, словно роса, бриллианты значит.

Баба Маша ей и говорит: «Ты, лучше, спрячь – ка колечко от греха подальше и не говори ни о нем, ни о родителях своих никому, люди, – говорит, – разные бывают».

Маша послушалась её, а после призналась, что хотела бы косыночку красную, да нет у неё денег купить материи такой.

– Смотри – ка, Маруся, – говорит ей баба Маша, ты же из благородных, может у тебя шляпка красная имеется?

– Нет, отвечает Маруся, – красной нету, только белая.

– Доставай – ка её, а я сейчас краски кумачовой принесу, будешь не хуже наших девок ходить.

Покрасили они шляпку, значит, красиво получилось, не хуже косынок красных, а баба Маша говорит, что и лучше даже.

Стала Маруся ходить в красной шляпке, сначала молодежь, вроде, подсмеивалась, а потом и поняла, что не от хорошей жизни девушка вместо косынки в шляпку красную принарядилась, жалеть её стали, на гулянки приглашать, да только стеснялась она, сидела тихо, словно птичка, только слушала гармошку и радовалась веселью молодежному.

И прозвали Машу в то время в слободке знаете как? Догадайтесь – ка Не можете? Да Красной Шапочкой, конечно же.

Часть 3

И все было хорошо у неё, но до поры, до времени. Неспкойно было тогда, кругом контра недобитая вылазила, нелегко, жестоко жили люди, доносчики да жалобщики кругом, а на кого пожалуются, того уж и не найти потом. Привиделось одной девице – то, что гармонист наш Ванятко заглядываться стал на Марусю, приревновала девка, да и заявила куда следует, что Маруся, мол, барских кровей будет, приехал ночью «воронок» да и увёз красавицу нашу неведомо куда.

Приходит баба Маша утром, молочка перед работой Марусеньке её любимой принести, а Марусеньки – то и нету, а под скатёркой на столе выпирает что – то, глянула, а там записочка, да колечко заветное.

Баба Маша верующая была, когда-то школу закончила церковно – приходскую, читать и писать умела, прочитала записочку и ахнула, все думала, когда же девушка написать успела, если комиссары же здесь были, и невдомёк старой было, что Маша – давно припрятала записочку и колечко, догадываясь, что не будет ей долгого спокойствия. Обыскивать её не стали, видя нищету в комнате и колечко под скатёркой не заметили, видать торопились шибко.

Допрашивал девушку следователь, не знаю какого он рода – племени, да только злющий, хитрый. и жадный. Волчарой звали его между собой заключённые.

Стал Марусю выпрашивать: какое происхождение, кто родители? А она помнит наказ бабы Маши, молчит. Врать не хочет, а правду говорить не может. Вдруг, смотрит следователь, а из – под высокого воротничка блузки девушки блестит что – то, дёрнул, а это цепочка, порвалась нить серебряная, упал крестик маленький на пол, кинулась девушка поднимать его, а следователь избивать ногами её стал.

«Ах, – кричит, – ты ещё и верующая дрянь, – а Марусенька лежит на полу, крестик прижимает и молитву читает про себя.

Часть 4

В общем, притащили её в камеру без сознания, всю в крови, бросили сердечную на пол да и ушли. Женщины – сокамерницы, обтёрли её, водички дали, пришла в сознание девушка, только ладошки ей разжать не даёт, поняли тогда они, что что – то дорогое для неё зажимает голубка наша сизая, говорят ей: «Тебя скоро опять на допрос поведут ,припрячь – ка здесь вещицу, что в ладошке зажимаешь, а то заберёт волчара злобный», – еле – еле поднялась Марусенька, разжала ладошки и увидели сокамерницы маленький крестик православный, помолились всей камерой, да и спрятали в надёжном месте, никто не нашёл, всю камеру перевернули, но не нашли, а Марусю много раз на допросы водили, ничего она не сказала.

Вот ей как – то женщины, с которыми она в камере находилась, и говорят: «Маруся, ты молодая совсем, не выйти тебе отсюда живой, забьёт тебя ирод поганый, но он жадный донельзя, если у тебя есть что ценное не жалея, жизнь важнее, он нечестный, мзду берет. Вспомнила Машенька о колечке мамином, дорогое оно, да не в деньгах ценность его для Маши была, но делать нечего, выживать надо: осталась у неё бабушка, недавно весточку от неё передали. Как смогли – то? Но нашлись смелые люди, привезли от бабушки родненькой – единственного родного человека, письмишко, в кото-

ром она писала, что родители Машины красными замучены, а сама бабушка живёт в Париже и ждёт Машеньку не дождёт-ся. Не может Маша нанести ей ещё удар, не выдержит бабуля родненькая, выжить надо, обязательно.

Часть 5

В следующий раз на допросе Маша сказала о колечке от мамы доставшемся, загорелись алчным огнём волчьих глаза, не стал даже о родителях выспрашивать.

Говорит: «если жить хочешь, неси колечко бриллиантовое, отпущу тогда, даю тебе четыре часа – принесёшь – отпущу, коли – нет, не обессудь, этой же рукой задушу, как гниду поганую – врага большевистской республики, и бежать не думай, найду и пощады тебе тогда не будет и от слободки твоей камня на камне не останется тогда, всех в расход пущу».

Хотел сперва зверь сам с ней поехать, да передумал, если откроется, что мзду взял с врага большевиков – не будет и ему пощады, потом решил отправить с ней конвой, но тоже побоялся, увидят ещё, доложат по инстанции. Подумал и решил: «Девка верующая, Бога побоится, да и за слободку свою держится», приказал ей побожиться и отправилась Маша за маминым колечком.

Часть 6

Но не успокоился волчара хитрый, решил все-таки незаметно проследить за девушкой, не доверяла никому душа его злобная, оделся в штатское и пошёл к домам прижимаясь.

Видит, пошла Маша через парк: «воздухом подышать твари захотелось, – засмеялся зверюга, – ну пусть дышит барынька гнилая, пойду – ка я напрямик по – над рекой, минут на двадцать ее опережу, и без ее буржуйских соплей обойдусь, посмотрим что она потом запоёт, когда без материнного кольца вернётся, в расход ее – и дело с концом».

Прибежала Маша домой, а там все перерыто, разбросано, стол поломанный валяется, вещички ее малочисленные испорченные по полу разбросаны, комья грязи кругом. Машенька бегом к бабе Маше побежала. А та лежит на полу бледная в крови, избитая вся, кинулась к ней девушка, кричит от горя- то. Обняла старушку, думала, все, нет больше помощницы ее, единственного друга, любящего человека, а та глаза открывает, обрадовалась Марусенька, целует ее, слезами заливаясь, а бабушка сама, как увидела девушку, ахнула и заплакала: не лицо, а месиво, вокруг глаз чёрные синяки, волосы в крови слипшейся, пальцы разбиты, а больше не видно ничего. Маша верхнюю одежду не снимает, торопится. «Прибежал, – говорит старушка, – волчара тот в избушку

твою, все перекидал, искал, поди, что-то, а потом я услышала шум, пошла туда, думала воры влезли, а он увидел, и так ласково говорит, что де ты попросила его колечко мамино принести, говорит, что обещал твой следователь отпустить тебя за колечко – то. Но я – то не вчера родилась, смекнула сразу что к чему, не знаю, говорю, ни о каком колечке. А он опять же ласково так говорит: « а пойдёмте к Вам, поговорим, чаем угостите» , пришли, здесь он и накинулся, «отдавай, – кричит, – знаю, тебе эта мразь буржуйская его отдала, – кошка Мультка наша с испуга на шкаф прыгнула, сидит там, трясётся от страха, а он раскидал все, но не нашёл колечка твоего, хорошо я его припрятала, сказал, – ещё поговорим с тобой, старая дрянь, в другом месте, – и ушёл, СпасиБо тебе, дочка, вернула к жизни». Подняла Маша старушку, обтерла кровушку ей, чаю заварила, напоила бабушку и засобиравалась обратно. Старушка, конечно, ей колечко отдала, но сказала: «Не верь, доченька, волчаре этому, не отпустит он тебя живой, давай, дитятко, спрячу тебя здесь у себя.»

Отказалась девушка, не стала бабу Машу опять под удар подставлять. «Нет, душа моя, пойду я, будь что будет, я по-Божились, что вернусь да и слободку нашу обещал зверь этот порушить, если не приду, а людей... сама, тетенька, видела что творит душа его злобная...», – поплакали обе, у баб слёзы близко, а ещё Марусенька подарила старушке крестик свой серебряный, сорванный следователем, помолились они и пошла голубка наша. На дворе увидали её девки да парни,

кинулись обниматься, в ноги ей упала предательница, каялась, просила прощения: «Думала, – говорит, – просто в другую слободу переселят, да забудет тебя Ванятко», – Маша обняла девушку, перекрестила, – «Иди с Богом, – говорит, – нет у меня к тебе обиды, живи с миром».

Часть 7

Пришла Маруся в город, села на скамейку прямо перед тюремным забором, шагов десять отделяло её тогда от входа, разжала ладошку, а в ней колечко мамино блестит и играет на последних лучах солнышка, хоть и дождь, а солнышко иногда да и проглянет из-за туч, скоро зима, а по лицу девушки то ли капельки дождя, то ли слёзы стекают...

– Дедунь, да ты сам плачешь.

– Эх, внучики, да как же не плакать, только представлю, что сидит голубица наша, кутается в пальтишко своё тонюсенькое и плачет родимая, может с жизнью прощается, а на улице – то все ж осень, дождь, а одежонка у сердечной – название одно.

– А её убили, дедунь?

– Слушайте дальше, дитятки.

Сидит, значит Марусенька, льёт слёзки свои – росинушки, видит, подходит к ней военный, выглядит, ну что твой генерал, высокий, шинель до пола, сапоги начищены, в плечах косая сажень, из-под фуражки с околышем седина виднеется, немолод значит уже.

– Что случилось? – спрашивает строго. Испугалась Маша, молчит, а военный продолжает:

– Кто вас обидел, барышня? – ох, давно Машу никто так не называл, аж с самого Смольного, расплакалась она ещё

сильнее, сел тогда рядом с ней военный и говорит:

«Скажи, дочка, что у тебя случилось? Понимаешь, у нас с женой дочь твоего возраста – Лизонька, и вы с ней очень похожи, когда тебя увидел, аж в душе все оборвалось, только представил, что она тоже может так вот сидеть и плакать», – посмотрела на него Маша и подумала, что хоть и не ее, а дочку свою он жалеет, но больше поделиться сейчас и не с кем горяшком своим и рассказала ему все: про следователя, про происхождение своё небольшевистское, про маму – фрейлину и колечко её, которое несёт следователю в качестве уплаты за освобождение.

Переменился в лице «генерал».

– Посиди – ка здесь, – говорит, – сам же зашёл в страшное здание, а через минут сорок оттуда с заломленными назад руками вывели следователя, который мучил её много дней и ночей, глянул он на неё, а взгляд затравленный, как у пойманного зверя, у Маши, даже жалость к нему в душе появилась.

Часть 8

«Эх, – думает Маруся, – жаль – то как его, – не было у человека в жизни добра, глумился над людьми, злоба одна – то и есть, – как – то и обида на него ушла из души, а здесь и «генерал» подошёл: «Все, – говорит, – дочка, иди домой, – а Маруся ему колечко протягивает, – вот, – говорит, – это вам за помощь вашу и поддержку», но военный её открытую ладошку опять в кулачок сжимает, а колечко – то внутри кулачка осталось.

«Знаешь, детка, запомни, среди нашего брата есть и порядочные люди.»

Заплакала опять Машенька, благодарит покровителя своего, а он гладит её по голове, словно она дитя малое.

– Все, – говорит, – пора тебе домой, вот по этому номеру телефонируй, если что-то понадобится, чем смогу – помогу.

– А можно сейчас прямо попросить?

– Ну давай, – удивился великан.

– Следователя расстреляют?

– Ну, милая моя, нельзя об этом спрашивать, дознание будет проводиться... Не у тебя одной он поборы вымогал, давно за ним наблюдаем.

– Просьба у меня: можно к нему батюшку позвать, покаяться ему надо бы, душу очистить.

– Не знаю получится ли выполнить, да и он сам захочет

ли?

«Генерал» немного проводил Машу и вернулся на службу: «как же она похожа на Лизоньку, – подумал он, – эх, как им с мамой живётся, – не разделили они его идейных взглядов, уехали. Когда в партии заинтересовались этим вопросом, сказал, что изменил жене, не стали копать глубоко на первый раз простили.

Часть 9

Маша вернулась в свою каморку, на работу ее сперва не приняли, побоялись, видать, да и кто их осудит? Время такое было. Коровушка бабы Маши кормила: то молочко продадут, то – сметанку, а то и маслице, а много ли им двоим надо – то? Этим и перебивались. Но потом приняли на прежнее место. Пожалели, похоже, девку – то или по другой какой причине, этого не знаю, врать не буду. А через несколько месяцев Маша уехала к бабушке в Париж, говорят, опять военный тот руку приложил к ее отъезду. Фамилия, кстати, у него интересная была – Охотник. Да, Иван Харитонович Охотник... Большим начальником оказался. Звала с собой девушка бабу Машу, но та отказалась: «Здесь, – говорит родилась, здесь и доживать буду, а Парижи это для бар, а какая из меня барыня, – и засмеялась, – а ещё, – говорит, – сыночка с войны жду, давно от него вестей нету, да и война уже закончиться успела – то, наверно, нет его, на земле, сложил свою головушку буйную, но молюсь Господу, а молитва Матери, известно, со дна моря достанет».

Прошло ещё пару лет и бабе Маше пришло письмо, что вышла голубка наша замуж за офицера и фотографический портрет прислала – красивые они оба, молодые, а на пальчике у Марусеньки колечко виднеется -мамы – фрейлины памятка, значит.

Несколько раз бабе Маше посылочки от Маруси через людей передавались, а потом бояться стали, как бы на старушку беды не накликают.

– Вот такая, вот история, золотые мои.

– Дедунь, расскажи ещё про старинку, ну расскажи!

– Потом, пострелята, устал дедка ваш, расчувствовался, лучше чайку пойдём попьём, чай пить – не дрова рубить, – засмеялся дед.

– Дедунь, а чей это портрет висит над телевизором?

– Прапрабабки вашей – бабы Маши – бабушки жены моей. Сын ее – прадедка ваш вскорости вернулся, думали сгинул он, но нет, высвободился из плена и пешком аж с Дальнего Востока домой пришёл. Возвратился, женился и родилась бабанька ваша, а я потом на ней и женился, вот и вся история. А ты, Манечка, глянь-ка на крестик – то свой серебряный, не простой он, а именно тот самый, что Марусенька бабе Маше передала, а та сохранила, даже в трудные голодные годы не рассталась с ним.